

УДК 1/14

А.В. Смирнов

РАСТВОРИТЬ ЗНАЧЕНИЕ В ЦЕЛОСТНОСТИ: АЛХИМИЯ ЛОГИКИ СМЫСЛА

Аннотация. Категория «целостность» рассматривается как исходная в объяснении смысла. Логика смысла возможна как прослеживание технологии субъект-предикатного склеивания от исходной интуиции до развернутых высказываний.

Ключевые слова: целостность, логика смысла, интуиция, субъект-предикатное конструирование

Логика смысла — это, конечно же, чародейство. Намеренный оксюморон, соединение несоединяющегося. Логика работает с формализмом, сторнясь содержательности и даже значения; что уж говорить о смысле, совершенно размытой — не сущности, конечно же, а такой «области», о которой толком ничего и не скажешь, разве что то, что без него — никуда, а где он — не понять: хватишься его — а он и исчез. Вечно неуловимый, как тень для света: где нет света, и тени нет, но и там, где свет — ее тоже нет. Так и смысл: таится в каких-то закоулках, на обочинах познания и сознания, в вечных сумерках, бывает, блеснет — и скроется. Какая же тут логика?

О «потере смыслов» и о необходимости их нахождения говорит сегодня каждый второй или третий. Есть даже некая «территория смыслов», где, видимо, эти смыслы как-то особенно густо водятся, наподобие снарков, и где за ними устраивают охоту. Но смысл не терялся потому, что им никогда не обладали; и смысл не терялся потому, что он не может потеряться, ибо без смысла невозможно ничто: все находит свою последнюю опору именно в смысле, ни в чем ином.

Такая вот странная штука, этот смысл: совершенно необходим, особенно русскому (если потерял смысл, его не отыскать ни в мелочах бытового комфорта, ни в трудовой этике, ни в чем другом: к чему это все, если смысла нет?), необходим и в жизни, и в философии. Но куда-то он все время пропадает, уходит именно тогда и там, когда и куда дотягивается наш нацеленный на научное познание разум. Интересно, что чем изощреннее разум, тем дальше он от всякого «смысла» — ведь современная логика не только превратилась в разновидность математического исчисления, но и намеренно рассталась с попытками говорить о мышлении и его правилах: она имеет дело исключительно с формализмом и его законами. А какой же смысл там, где властвует формализм? Формализм — сам себе смысл, сам себе закон и ни в чем *как будто* не нуждается.

Почти полная победа над смыслом одержана. И все же мы остаемся единственным из всего, что способно придавать смысл. Осмысливать. Автоматы умеют делать многое лучше человека, а скоро научатся делать все лучше нас. Но они никогда не смогут придавать чему-либо смысл, не смогут осмысливать и, следовательно, не смогут мыслить. Исчислять и мыслить — совершенно разные вещи. Спутать одно с другим можно только намеренно, дабы запутать вопрос, даже если эта гениальная путаница в машине Тьюринга или алгоритмах Колмогорова дала в результате тот вычислительный мир, в котором мы живем сегодня.

Да, современная логика увлеклась исчислением и решила вывести вопрос о мышлении за скобки. Но всегда ли это было так? Думаю, что нет. Трактровка логического наследия Аристотеля в духе формализма — однобока, и только восстановление целостности поможет делу. Слово «целостность» в этой фразе употреблено не случайно, и дальше оно станет для нас главным.

Под целостностью я понимаю то, в чем ничто не может быть определено и понято без обращения ко всему остальному и где ничто не может быть удалено без того, чтобы разрушилось все. Можно сказать короче: целостность — это различенность без различия. Это значит: различенность *без и до субъект-предикатной структуры*. То есть допредикативная различенность.

Целостность, таким образом, — это не целое и не свойство быть целым. Целое состоит из чего-то, имеет части. Целостность не имеет частей, поскольку она — до включения механизма предикации, а значит, и до всякой субъектности. Скорее целое производно от целостности — и как понятие, и онтологически.

Целостность, далее, — не структура. В том-то и дело, что различенность целостности — без «элементов» и «отношений», поскольку эти необходимые составляющие структуры — не более чем превращенные субъекты и их предикаты, а различенность целостности — до субъект-предикатного конструирования.

Нужен пример? Он под рукой: родовидовая целостность. Привычнее было бы сказать: родовидовая структура, организация или что-то еще.

Но нет, это ошибка, и говорить надо именно так — целостность. Поскольку речь о том, что *интуитивно* воспринимается как имеющееся до и независимо от предикации, устроенной на основе этой целостности и встроенной в ту — уже теперь «структуру», которая возникнет *после* того, как субъект-предикатная конструкция будет выстроена на основе и по правилам данной целостности.

Лингвистика и философия языка говорят о «значении». «Смысл», если его отличают от «значения», обычно выводят за скобки так, как это делал Фреге. Утверждают даже, что только такое отделение значения от смысла дает возможность научно (т. е. формализованно) говорить о значении. В лингвистике и философии языка имеют дело с двумя типами значений: лексическими и грамматическими. Лексические задают содержательное наполнение (если угодно, материю), грамматические связывают отдельные лексические значения в предложение, а также «обтесывают» их, изменяя по числу, роду и т. д. (это, если угодно, форма). То же, кстати говоря, и в формальной логике: переменные и отношения — что это, как не аналог лексических и грамматических значений? Современные математизированные разделы философии языка, особенно семантика, занимают промежуточное положение между тем и другим, давая формализованное исчисление языковых форм и при этом не отвлекаясь от них, как это делает формальная логика, но и не обладая ими всерьез, как ими обладает лингвистика. Таким образом, лингвистика, философия языка, логика выстроены на классическом гилеморфизме: им как воздух необходимо что-то «вот-это», на что можно указать пальцем, т. е. материальное (все та же Аристотелева «древесина»), что они обещут теслом формального. Так языковые реалии (как привычно это выражение!) будут именно «реалиями», т. е. вещами, причем вещами внешнего мира: они объективированы так же, как вещи внешнего мира, и теперь уже недоступны для нас (для нашего *прямого и непосредственного* узнавания) так же, как недоступны вещи внешнего мира. Удивительно: язык и мысль, т. е. то, что должно приблизить к нам внешний мир и охватить его, вместо этого сами стали чем-то внешним и теперь не хуже любой вещи внешнего мира нуждаются в том, что охватит их!

В отличие от этого, целостность — никогда не внешняя. Она — исключительно внутренняя, ее нельзя увидеть в вещах, фактах, системах вещей или в мире в целом. Ее не надо схватывать, поскольку она никогда от нас не уходит и никогда ничем не заслонена. Всегда с нами, всегда под рукой — надо только обратить на нее благосклонное внимание.

Фигура на плоскости с замкнутым контуром и внутренним отрезком, конечные точки которого принадлежат контуру и который, таким образом, делит фигуру надвое. Это деление — различие, потому что теперь одно из отделений — не другое, и разделенное — не то же самое, что каждое из отделений. Эта целостность не определена ни в чем, кроме сказанного — пространственный характер и деление исходного надвое. Фигура и внутренний отрезок могут быть любых размеров и любого вида, это не имеет

никакого значения. Целостность не меняется с изменением всего этого: она остается собой, делая такие изменения возможными. (Они возможны как неизменность целостности.)

Такая целостность непременно должна иметься у нас, даже если наше сознание на нее не направлено, чтобы великий Эйлер мог начертить свои знаменитые круги, показывающие все варианты соотношения подлежащего и сказуемого в предложении. Целостность делает возможным субъект-предикатное конструирование, делает возможным высказывание. Даже если мы не держим целостность в поле зрения, она непременно предшествует любому развернутому субъект-предикатному высказыванию, неважно, будь то предложение (Солнце — красное) или другая субъект-предикатная конструкция (красное солнце): механизм склеивания субъекта с предикатом в обоих случаях — один и тот же. Интенциональность, как она понималась Гуссерлем и тем более как она понималась до него, возможна лишь *после* и лишь *благодаря*, лишь на основе целостности.

Данный вариант интуиции целостности мы можем назвать пространственным, поскольку растянутость и сжатость, разделенность и соположенность, замкнутость и незамкнутость и тому подобные интуиции — это то, что суммируется обычно в понятии пространства. Не будем говорить о том, первично ли пространство или же первичны перечисленные интуиции, которые могут быть рассмотрены как грани интуиции целостности. Тем более не будем говорить о том, связано ли то, что называют физическим пространством, с этим пространством интуитивной целостности. Это, второе, делает возможным вещьность (субъект-предикатную склейку), а то, первое, делает возможным, как считают, сосуществование вещей. Что одно и другое как минимум параллельны, аналогичны, настолько ясно, что и говорить об этом как будто излишне. Ведь существование, «есть», бытие и весь этот ряд — не более чем выражение *факта* попадания субъекта в пространственно очерченную область предиката: без этого нет субъект-предикатной склейки, нет понятия о вещи и нет вещи как таковой во внешнем мире.

Итак: целостность исходна и интуитивна. Целостность может быть представлена *наглядно*, и тогда она получает пространственное выражение. Всегда возможен обратный ход: любое пространство может быть продумано и осмыслено как вариация целостности, может быть возведено к целостности (и разделы математики, основанные на наглядности и пространственности?).

Что целостность исходна и что она вообще имеется, доказывается — в дополнение к ссылке на очевидность и интуицию — тем, что только целостностью объясняются базовые закономерности формальной логики, нарушение которых для нас немыслимо, и базовые закономерности языка, вне которых мы также не способны мыслить. Логика и язык как два способа работать с субъект-предикатной склейкой оба берут начало в целостности: у них единый исток, и каждый из этих двух рукавов единого потока осмыслен только благодаря целостности, к которой всегда может быть возведен.

Правда, и тот, и другой обычно забывают о своем истоке — целостности. И напрасно.

Целостность, как мы о ней говорили до сих пор, — сугубо внутреннее, *мое*, — но не *Я*. И вместе с тем может ли она оказаться чем-то *иным*, нежели *Я*? *Я* — не та развертка целостности, о которой мы говорили, но и не что-то иное, нежели целостность. Более того, *Я* — неиное и в отношении всего нашего сознания, поскольку только *Я* обеспечивает его связность и только *Я* делает возможным предикативность. («Субъекту» в любой субъект-предикатной конструкции неоткуда взяться, нежели оказаться отражением *Я*.) *Я* — не меньше целостность, нежели то, о чем мы говорили до сих пор. То же, но устроенное иначе: *то же иначе*. Это — разъяснение «неиного» великого Кузанца, причем такое разъяснение, которое делает его сворачивание-разворачивание не просто понятным, но совершенно прозрачным и необходимым, ясным. Субъект-предикатное разворачивание — не что иное, как разворачивание целостности: 1) как субъектности, берущей начало в *Я*, *сжатости*, и 2) как предикативности, берущей начало в той *разжатости*, в той развертке целостности, о которой мы говорили вначале как о пространственной интуиции целостности.

Сжатость и разжатость — не две «стороны» целостности, не два ее «аспекта» и вообще не что-то, что могло бы быть субъектно отличаемое одно от другого. Напротив, субъектное различие возможно только благодаря этому *то же иначе* целостности — ее сжатости (*Я*) и ее разжатости (развертка целостности — та интуиция целостности, которая может быть развернуто представлена как пространственная, как было показано выше). Сжимание и разжимание целостности, таким образом, — не что-то иное, нежели сама целостность. Поэтому «свернутость-развернутость» — не более чем другое наименование для целостности.

Вернемся к описанной пространственной развертке целостности. Ничем, кроме свойств самой целостности, не объясняется то, что будет сказано сейчас и о чем, собственно, все знают почти две с половиной тысячи лет: самоочевидность трех Аристотелевых законов (тождества, противоречия и исключенного третьего), немыслимость их несоблюдения. И эта очевидность, и эта немыслимость обеспечены только и исключительно целостностью в том варианте ее представленности, о котором шла речь. Формулируя эти законы, записывая их в виде развернутого высказывания, мы разжимаем то, что сжато в целостности, и берем в каждом из них лишь часть, лишь аспект того, что имеется в ней в сжатой форме. Эти три закона не просто выстраиваются в цепочку, один за другим. Они образуют систему, они взаимосвязаны так, что нарушение одного из них делает недействительными и другие. Если не работает закон тождества, то не имеют смысла законы противоречия и исключенного третьего: они оборачиваются бессмыслицей, беспредельность которой исследовали софисты. Если неверен закон противоречия, не сработает закон исключенного третьего, и закон тождества также не будет верен. То же и для закона исключенного третьего.

Переход от целостности как чистой интуиции к пространственной развертке и, далее, к явной, дискурсивной записи законов тождества, противоречия и исключенного третьего — это шаги, этапы, стадии вызревания осмысленности. Если запись «А есть А» осмысленна для нас, то только потому, что мы можем пройти по этим шагам назад и, дойдя до исходной целостности, сказать: да, это так, и иначе быть не может. Если мы понимаем, что значит «А есть либо Б, либо не-Б», то только потому, что способны вызвать в своем воображении пространственную развертку целостности и убедиться, что иначе быть не может и что эта фраза отправляет нас к этому свойству целостности. Так рождается значение: мы у его колыбели, мы видим, откуда оно появляется и что собою представляет. Значение всегда — конечный этап разложения целостности. Понять, что такое значение — значит увидеть все обратные шаги восстановления целостности. Это касается и каждого конкретного значения. В нашем примере родился целый сонм значений. Отрицание, утверждение, быть, не быть, и, или, нечто, различие — все эти значения получены исключительно как распад целостности, как ее многогранная кристаллизация. И «иметь значение» — значит быть возведенным к исходной целостности. Слова как таковые не важны; важна та целостность, в которой они берут начало, и важен тот путь, который ведет к их конечному застыванию как именно значений.

Что верно для формальной логики, верно и для языка. Суть языка — высказывание, а высказывание имеет ядерную, несводимую и неразложимую далее форму «подлежащее + сказуемое». Это верно для индоевропейских и семитских языков, которые здесь нас будут интересовать. Что такое этот плюс и почему два «сплюсованных» слова дают некое одно значение — на этот вопрос никакие современные теории не дают ответа, отправляя его в область загадок. Но ведь на деле никакой загадки тут нет. Точнее, эту загадку давно разгадал Леонард Эйлер, начертив свои круги, цель которых — показать все возможные соотношения между подлежащим и сказуемым предложения. Логика и язык здесь настолько тесно связаны, что их невозможно отделить одно от другого. Это и не нужно, поскольку оба они развивают то, что свернуто в целостности.

Это означает, что словесная форма, в которую облачены высказывания обыденного языка, скрывает за собой целую цепочку шагов от целостности к ее фиксации в виде отдельных слов, к ее дискурсивной записи. Эту цепочку шагов можно назвать смыслополаганием. Смыслополагание — не «придание» значения языковым знакам, а постепенный переход от целостности к словесной развернутой форме. Смыслополагание не имеет ничего от семиотических процедур. Значение, которое семиотик присоединяет к знаку, всегда более или менее произвольно, и он никогда не может дать отчет в том, почему данный знак имеет именно такое значение и что вообще означает для знака — иметь значение. В отличие от этого, смыслополагание — ясная, легко прочитываемая и просчитываемая процедура, где любое рожденное значение выплавляется из целостности по твердо установленным законам. В сравнении с семиотикой здесь — движение в обратном

направлении: от истока всякого значения мы движемся к отдельному зас-
тывшему в слове значению и используем для его обозначения словесный
знак. Поэтому, если известно, как совершается смыслополагание, мы все-
гда можем, в отличие от семиотика, пройти обратный путь, от словесного
знака — к истоку значения, и показать, что же означает данное высказыва-
ние или любое из задействованных в нем слов.

Развертка целостности может быть не только пространственной, как
показано выше. Представим себе развертку целостности как парадигму дей-
ствитель—действие—претерпевающее, где действие — это протекание, свя-
зывающее и таким образом объединяющее две противоположные стороны,
действитель и претерпевающее. Как и в первом случае, развертка целос-
тности — это противоположение-и-объединение. Но здесь и противопла-
гаемое, и их связанность объединяющим их действием-протеканием носит
целиком иной характер. Это значит, что и логика мысли (формальная ло-
гика), и логика языка (понимание, придание значения языковым выраже-
ниям) будет организована в данном случае целиком иначе, чем в первом.

Вот простейший пример. Нам нужно узнать, что означает высказыва-
ние «Он — не незнающий». Как мы поступим? Очень просто — мы раство-
рим значение в целостности, чтобы узнать, что *на самом деле* означают эти
два отрицания. Ведь отрицание, если следовать по семиотическому пути
понимания значения, закреплённого за неким знаком, — это устранение
того, что подвергнуто отрицанию. Первое отрицание, «не-» в слове «незна-
ющий», отрицает за подлежащим этого предложения атрибут «знающий».
Второе отрицание, стоящее перед словом «незнающий», отрицает сам факт
отрицания атрибута «знающий». Обратившись к пространственной развер-
тке целостности, мы узнаем и понимаем, что означает предложение в це-
лом: оно утверждает за субъектом предикат «знающий».

Кто-то скажет, что все это более чем тривиально и что двойное отрица-
ние означает утверждение, только и всего. Не надо придумывать никаких
целостностей, надо остаться с доброй старой семиотикой и всего лишь
добавить новое значение: двойное отрицание означает утверждение.

Так бы оно и было, если бы словесно то же самое предложение не
могло быть понято совсем по-другому. Если мы имеем не пространствен-
ную развертку целостности, а развертку протекания (между действующим
и претерпевающим), то возведение к целостности и, следовательно, наде-
ление тех же самых слов значением произойдет иначе.

Начнем со слова «незнающий». Если у нас нет пространственной раз-
вертки целостности, что означает: если наше сознание не привыкло прида-
вать смысл словам через такое разворачивание целостности, то придание
значения отрицанию не может происходить так, как оно происходит при
опоре на пространственную развертку. Когда мы говорили, разбирая пер-
вый путь понимания, что «незнающий» — это отрицание атрибута «знаю-
щий» за субъектом, мы подразумевали — вслед за Эйлером, — что субъект
не попадает в пространственную область предиката «знающий». Он попа-
дает, следовательно, в противоположную. И возможность, и необходимость

этого следования обеспечены законом исключенного третьего, который — если трактовать его с опорой на интуицию пространственной развертки целостности — требует от субъекта непременно оказаться в одной, и только в одной, из двух пространственных областей предиката (точнее, предиката и его отрицания). Поэтому, и только поэтому, возможно и необходимо понимание двойного отрицания как утверждения. Так мы объясняем то, что постулируется, но остается необъяснимым для семиотического подхода: мы показываем, какие когнитивные операции стоят за приданием значения «утверждение» языковому или логическому знаку двойного отрицания.

Однако такой ход возможен, только если наше сознание опирается на пространственную развертку целостности! А если смыслополагание задействует другую развертку — развертку протекания? Тогда атрибут, независимо от его словесного выражения, словесной формы (вот где морфология бессильна), должен быть понят как указывающий на некое реальное действие, которое, взятое как протекание, будет служить связью действующего и претерпевающего. В нашем случае «незнающий» обозначает действительность субъекта, который действием «незнать» связан с претерпевающим — «неизвестным». Чтобы избавиться от неуклюжести этих непривычных русских форм (а я намеренно ввожу их, чтобы остротой всю ситуацию понимания как растворения значения в целостности), можно было бы «незнающий» заменить на «неведающий» и, соответственно, иметь «неведение» как процесс связи неведающего с неизвестным. Такое словесное оформление уже, вероятно, не будет вызывать отторжения и даже не будет автоматически задействовать пространственную развертку целостности в акте понимания. Напротив, не будет представлять труда задействовать альтернативную развертку: услышав, что некто не является «неведающим», мы узнаем: неверно, что этот некто связан с «неизвестным» действием «неведение» — нет никакого неизвестного и нет никакого неведения, а значит, и сам он не является неведающим. Мы будем иметь, иначе говоря, чистое отрицание без всякого утверждения: здесь двойное отрицание совершенно не означает утверждения.

Замена словесных форм была проведена только ради удобства, больше ни для чего. Мы видим, что слова как таковые *не обозначают ничего*: семиотическая парадигма неверна в принципе, она вводит в заблуждение и скрывает настоящий путь понимания как возведения значения к целостности. Нет никакого «обозначения», есть смыслополагание как движение от целостности к слову — движение, всегда сохраняющее возможность обратного пути. Мы видели, что одно и то же предложение может быть понято двумя ни в чем не совпадающими способами. Такое было бы невозможно, если бы семиотическая парадигма была хотя бы в чем-то верна и если бы значения действительно «придавались» знакам. Нет, они выплывают из целостности. Следовательно, готовое значение можно расплавить в целостности и выплавить иначе — если опираться в этом процессе смыслополагания на альтернативные развертки целостности.